

Именем Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

По делу о проверке конституционности положений пункта 3 части первой статьи 24, пункта 1 статьи 254 и части восьмой статьи 302 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В.Ю.Глазкова и В.Н.Степанова

город Санкт-Петербург

2 марта 2017 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, А.И.Бойцова, Н.С.Бондаря, Г.А.Гаджиева, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, С.М.Казанцева, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, О.С.Хохряковой, В.Г.Ярославцева,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47-1, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона ["О Конституционном Суде Российской Федерации"](#),

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности положений пункта 3 части первой статьи 24, пункта 1 статьи 254 и части восьмой статьи 302 [УПК Российской Федерации](#).

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба граждан В.Ю.Глазкова и В.Н.Степанова. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителями законоположения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика Н.В.Мельникова, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л:

1. Заявители по настоящему делу граждане В.Ю.Глазков и В.Н.Степанов оспаривают конституционность следующих положений [Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации](#):

пункта 3 части первой статьи 24 "Основания отказа в возбуждении уголовного дела или прекращения уголовного дела", согласно которому уголовное дело не может быть возбуждено, а возбужденное уголовное дело подлежит прекращению в связи с истечением сроков давности уголовного преследования;

пункта 1 статьи 254 "Прекращение уголовного дела или уголовного преследования в судебном заседании", согласно которому

суд прекращает уголовное дело в судебном заседании в том числе в случаях, если во время судебного разбирательства будет установлено обстоятельство, указанное в пункте 3 части первой статьи 24 данного [Кодекса](#);

части восьмой статьи 302 "Виды приговоров", согласно которой если основание прекращения уголовного дела и (или) уголовного преследования, указанное в пункте 3 части первой статьи 24 данного [Кодекса](#), обнаруживается в ходе судебного разбирательства, то суд продолжает рассмотрение уголовного дела в обычном порядке до его разрешения по существу и постановляет обвинительный приговор с освобождением осужденного от наказания.

Как следует из приложенных к жалобе материалов, уголовные дела, возбужденные в отношении С.В.Артемова и В.Н.Моторина по факту дорожно-транспортного происшествия, имевшего место в 2007 году, в 2013 году по окончании предварительного расследования были переданы в Приморский районный суд Санкт-Петербурга для рассмотрения по существу. Начатое в ноябре 2013 года судебное разбирательство по каждому из этих дел осуществлялось в течение двух с половиной лет и завершилось их прекращением на основании пункта 3 части первой статьи 24 и пункта 1 статьи 254 [УПК Российской Федерации](#) в связи с истечением шестилетнего срока давности уголовного преследования. При этом в отношении С.В.Артемова, обвинявшегося в совершении преступления, предусмотренного частью третьей статьи 266 [УК Российской Федерации](#) (выпуск в эксплуатацию технически неисправного транспортного средства, повлекший по неосторожности смерть двух лиц), решение было принято в подготовительной части судебного заседания, а в отношении В.Н.Моторина, обвинявшегося в совершении преступления, предусмотренного частью пятой статьи 264 [УК Российской Федерации](#) (нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, повлекшее по неосторожности смерть двух лиц), – в ходе судебного следствия. Признанные по данным уголовным делам потерпевшими В.Ю.Глазков и В.Н.Степанов против прекращения уголовного преследования указанных лиц возражали и, полагая необходимым рассмотреть эти уголовные дела по существу с вынесением приговора, обжаловали решения Приморского районного суда Санкт-Петербурга в апелляционном порядке.

Санкт-Петербургский городской суд постановление о прекращении уголовного дела в отношении С.В.Артемова признал законным и обоснованным (апелляционное постановление от 6 сентября 2016 года), а постановление о прекращении уголовного преследования В.Н.Моторина отменил как незаконное и необоснованное и направил дело на новое рассмотрение со стадии судебного разбирательства (апелляционное постановление от 7 сентября 2016 года), поскольку пришел к выводу, что в данном деле подлежала применению часть восьмая статьи 302 [УПК Российской Федерации](#), согласно которой в случае, когда к моменту постановления приговора истекает срок давности уголовного преследования, суд постановляет обвинительный приговор с освобождением осужденного от назначенного наказания. Президиум Санкт-Петербургского городского суда, рассмотрев кассационную

жалобу адвоката В.Н.Моторина и кассационное представление заместителя прокурора Санкт-Петербурга, отменил апелляционное постановление от 7 сентября 2016 и передал уголовное дело на новое апелляционное рассмотрение. Апелляционным постановлением Санкт-Петербургского городского суда от 24 января 2017 года решение Приморского районного суда Санкт-Петербурга о прекращении уголовного преследования В.Н.Моторина в связи с истечением срока давности оставлено без изменения.

Нарушение оспариваемыми законоположениями своих прав, гарантированных статьями 2, 18, 46 (часть 1), 49 (часть 1), 52 и 55 (часть 2) Конституции Российской Федерации, граждане В.Ю.Глазков и В.Н.Степанов усматривают в том, что они позволяют суду выносить решение о прекращении уголовного дела в случае истечения сроков давности уголовного преследования на основании ходатайства подсудимого и при возражении потерпевших на стадии судебного разбирательства, не принимая во внимание требование, предписывающее в случае обнаружения оснований для прекращения уголовного дела в связи с истечением сроков давности продолжить рассмотрение уголовного дела в обычном порядке до его разрешения по существу. Тем самым, по мнению заявителей, потерпевшие лишаются возможности реализовать свое право на доступ к правосудию и на компенсацию ущерба, причиненного преступлением.

Таким образом, с учетом требований статей 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона ["О Конституционном Суде Российской Федерации"](#) взаимосвязанные положения пункта 3 части первой статьи 24, пункта 1 статьи 254 и части восьмой статьи 302 [УПК Российской Федерации](#) являются предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу постольку, поскольку в системе действующего правового регулирования на их основании судом разрешается вопрос о прекращении уголовного дела в случае истечения сроков давности уголовного преследования.

2. Конституция Российской Федерации, провозглашая человека, его права и свободы высшей ценностью, возлагает на Россию как демократическое правовое государство обязанность признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина, охранять достоинство личности, честь и доброе имя каждого и в этих целях гарантирует каждому судебную защиту его прав и свобод, а также возможность обжаловать в суд решения и действия (или бездействие) органов государственной власти и должностных лиц (статья 1, часть 1; статья 2; статья 21, часть 1; статья 23, часть 1; статья 46, части 1 и 2).

Как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, предписания Конституции Российской Федерации о соблюдении и защите прав и свобод человека и гражданина на основе равенства всех перед законом и судом, об обеспечении доступа к правосудию и компенсации причиненного ущерба (статьи 2 и 18; статья 19, части 1 и 2; статья 45; статья 46, части 1 и 2; статья 52) предполагают обязанность государства как предотвращать и пресекать в установленном законом порядке какие бы то ни было посягательства,

способные причинить вред и нравственные страдания личности, так и обеспечивать пострадавшему от преступления возможность отстаивать, прежде всего в суде, свои права и законные интересы любыми не запрещенными законом способами.

Такой подход соотносится с положениями Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью (утверждена Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 40/34 от 29 ноября 1985 года), закрепляющими право лиц, которым был причинен вред в результате действия или бездействия, нарушающих национальные уголовные законы ("жертвы"), на доступ к механизмам правосудия и скорейшую компенсацию за нанесенный им ущерб в соответствии с национальным законодательством (пункты 1 и 4) и обязывающими государство содействовать тому, чтобы судебные и административные процедуры в большей степени отвечали потребностям этих лиц, в том числе путем обеспечения возможности изложения и рассмотрения их мнений и пожеланий в тех случаях, когда затрагиваются их личные интересы, но без ущерба для обвиняемых и согласно национальной системе уголовного правосудия (пункт 6).

Исходя из этого устанавливаемые федеральным законодателем уголовно-процессуальные механизмы должны, как того требует Конституция Российской Федерации, прежде всего ее статьи 2 и 18, и нормы международного права, являющиеся составной частью правовой системы России (статья 15, часть 4, Конституции Российской Федерации), в максимальной степени способствовать предупреждению и пресечению преступлений, предотвращению их негативных последствий для прав и охраняемых законом интересов граждан, а также упрощать жертвам преступлений доступ к правосудию с целью восстановления нарушенных прав и получения необходимой компенсации с учетом того, что интересы потерпевшего в уголовном судопроизводстве в значительной степени связаны с разрешением вопроса о применении уголовного закона; при этом государство – хотя при наличии соответствующих оснований и условий оно может отказаться от осуществления уголовного преследования виновного – не освобождается от возложенной на него Конституцией Российской Федерации, ее статьями 45 (часть 2), 46 (часть 1) и 52, обязанности гарантировать защиту прав и свобод других лиц, в том числе обеспечить потерпевшим от преступлений доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба (постановления Конституционного Суда Российской Федерации [от 24 апреля 2003 года № 7-П](#), [от 8 декабря 2003 года № 18-П](#), [от 11 мая 2005 года № 5-П](#), [от 16 октября 2012 года № 22-П](#) и др.).

Вместе с тем – в силу правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в Постановлении [от 24 апреля 2003 года № 7-П](#), вытекающая из Конституции Российской Федерации, в частности ее статьи 52, обязанность государства обеспечить восстановление прав потерпевшего от преступления не обуславливает наделение его правом предопределять необходимость осуществления предполагающего вынесение приговора уголовного преследования в отношении того или иного лица, а также пределы возлагаемой на это лицо уголовной ответственности, – такое право в силу публичного

характера уголовно-правовых отношений может принадлежать только государству в лице его законодательных и правоприменительных органов. Равным образом, как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, из права каждого на судебную защиту его прав и свобод не вытекает возможность выбора гражданами по своему усмотрению способов и процедур судебной защиты, особенности которых применительно к отдельным видам судопроизводства и категориям дел определяются, исходя из Конституции Российской Федерации, федеральными законами; гарантируя права лиц, потерпевших от преступлений, Конституция Российской Федерации не определяет, в какой именно процедуре должен обеспечиваться доступ потерпевших к правосудию в целях защиты их прав и законных интересов и компенсации причиненного им вреда, - решение этого вопроса возлагается на федерального законодателя (Постановление [от 11 ноября 2014 года № 28-П](#); определения от 16 ноября 2006 года № 493-О, от 17 ноября 2009 года № 1427-О-О, от 23 марта 2010 года № 388-О-О, от 10 марта 2016 года № 457-О и др.).

3. Правосудие в Российской Федерации согласно статье 118 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации осуществляется только судом, в том числе посредством уголовного судопроизводства, в рамках которого государство обязано гарантировать защиту прав как собственно участников уголовного процесса, так и всех тех, чьи права и законные интересы непосредственно затрагиваются при производстве по уголовному делу, обеспечивая им надлежащие возможности по отстаиванию своих прав и законных интересов на всех стадиях уголовного судопроизводства любыми не запрещенными законом способами; осуществляя соответствующее правовое регулирование на основании статьи 71 (пункт "о") Конституции Российской Федерации, относящей уголовное и уголовно-процессуальное законодательство к ведению Российской Федерации, федеральный законодатель в силу статей 19 (части 1 и 2), 45, 46, 49 и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации вправе как устанавливать в законе ответственность за правонарушения, так и устранять ее, а также определять, какие меры государственного принуждения подлежат использованию в качестве средств реагирования на те или иные противоправные деяния и при каких условиях возможен отказ от их применения (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации [от 14 июля 2011 года № 16-П](#); определения Конституционного Суда Российской Федерации от 21 июня 2011 года № 860-О-О, от 16 июля 2013 года № 1226-О и др.).

В этих целях федеральный законодатель, действуя в рамках предоставленных ему дискреционных полномочий, предусмотрел в [Уголовном кодексе Российской Федерации](#) основания отказа от уголовного преследования определенной категории лиц и прекращения в отношении них уголовного преследования, включая такое нереабилитирующее основание, как истечение сроков давности уголовного преследования. Закрепляя в статье 78 данного [Кодекса](#) правило, согласно которому лицо освобождается от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности, определяемых

в зависимости от тяжести преступления и исчисляемых со дня совершения преступления и до момента вступления приговора суда в законную силу (части первая и вторая), федеральный законодатель, реализуя в уголовном судопроизводстве принцип гуманизма, исходил из нецелесообразности применения мер уголовной ответственности ввиду значительного уменьшения общественной опасности преступления по прошествии значительного времени с момента его совершения (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 19 июня 2012 года № 1220-О, [от 5 июня 2014 года № 1309-О](#) и др.).

Необходимые в таких случаях уголовно-процессуальные условия и порядок применения норм уголовного закона об освобождении от уголовной ответственности и прекращении уголовного дела при выявлении оснований, предусмотренных статьей 78 [УК Российской Федерации](#), установлены в [Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации](#), согласно пункту 3 части первой статьи 24 и пункту 1 статьи 254 которого орган или должностное лицо, осуществляющие уголовное судопроизводство, в зависимости от стадии, на которой было выявлено истечение срока давности, отказывают в возбуждении уголовного дела или прекращают его.

3.1. Касаясь вопросов, связанных с последствиями истечения сроков давности привлечения к уголовной ответственности, Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении [от 28 октября 1996 года № 18-П](#), а также в определениях от 2 ноября 2006 года № 488-О и от 15 января 2008 года № 292-О-О пришел к следующим выводам:

отказ в возбуждении уголовного дела или его прекращение в связи с освобождением лица от уголовной ответственности и наказания по нереабилитирующему основанию не влекут признание лица виновным или невиновным в совершении преступления. Принимаемое в таких случаях процессуальное решение не подменяет собой приговор суда и по своему содержанию и правовым последствиям не является актом, которым устанавливается виновность подозреваемого или обвиняемого (подсудимого) в том смысле, как это предусмотрено статьей 49 Конституции Российской Федерации. Подобного рода решения констатируют отказ от дальнейшего доказывания виновности лица, несмотря на то что основания для осуществления в отношении него уголовного преследования сохраняются;

с учетом особенностей правовой природы института освобождения от уголовной ответственности ввиду истечения сроков давности частью второй статьи 27 [УПК Российской Федерации](#) определяется, что прекращение уголовного преследования по этому основанию возможно лишь с согласия подозреваемого или обвиняемого (подсудимого), в связи с чем в рамках реализации гарантируемых статьями 49 и 123 Конституции Российской Федерации прав ему должно обеспечиваться продолжение производства по делу и тем самым судебная защита прав и свобод, а при наличии к тому оснований – реабилитация;

получение согласия обвиняемого (подсудимого) является обязательным условием для принятия – до завершения в установленном порядке судебного разбирательства – решения о прекращении

уголовного дела в связи с истечением сроков давности. В противном случае ему должна быть предоставлена возможность реализовать свое право на судебную защиту, что осуществимо лишь при проведении полноценного судебного разбирательства, в ходе которого должны быть установлены обстоятельства произошедшего, дана их правильная правовая оценка, выявлены конкретный вред, причиненный обществу и отдельным лицам, а также действительная степень вины (или невинность) лица в совершении инкриминируемого ему деяния. Иное – в нарушение статей 49 и 123 (часть 3) Конституции Российской Федерации – лишило бы данного участника уголовного судопроизводства возможности добиваться своей реабилитации;

если в результате судебного разбирательства, продолженного по требованию обвиняемого (подсудимого), будет установлена его вина в совершении инкриминируемого ему преступления, вынесение постановления о прекращении уголовного дела ввиду истечения сроков давности становится невозможным и суд постановляет обвинительный приговор с освобождением осужденного от наказания в порядке части восьмой статьи 302 [УПК Российской Федерации](#), но не от уголовной ответственности.

Таким образом, осуществляя правовое регулирование института освобождения от уголовной ответственности ввиду истечения сроков давности, федеральный законодатель, будучи связанным конституционными требованиями о судебной защите прав и свобод человека и гражданина и одновременно наделенный дискреционными полномочиями по определению ее способов и процедур, исходил из того, что положения части восьмой статьи 302 [УПК Российской Федерации](#) распространяются исключительно на случаи, когда прекращение уголовного дела в связи с истечением сроков давности в порядке статьи 254 данного [Кодекса](#) невозможно в силу части второй его статьи 27, не допускающей прекращения уголовного преследования по данному основанию, если обвиняемый (подсудимый) против этого возражает; применение части восьмой статьи 302 [УПК Российской Федерации](#) может иметь место, если обвиняемый (подсудимый) настаивает на продолжении производства по уголовному делу, что предполагает проведение полноценного судебного разбирательства, завершающегося постановлением приговора как акта правосудия. Что касается потерпевшего, то его согласие на прекращение уголовного преследования в связи с истечением сроков давности не является необходимым условием при принятии соответствующего решения.

Основанная на взаимосвязанных положениях пункта 3 части первой статьи 24, пункта 1 статьи 254 и части восьмой статьи 302 [УПК Российской Федерации](#) судебная практика также исходит из того, что при установлении в ходе судебного разбирательства обстоятельства, указанного в пункте 3 части первой статьи 24 [УПК Российской Федерации](#), суд прекращает уголовное дело и (или) уголовное преследование только при условии согласия на это обвиняемого (подсудимого). При этом, как следует из постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 года № 19 "О применении судами законодательства, регламентирующего основания

и порядок освобождения от уголовной ответственности", не имеет значения, в какой момент производства по делу истекли сроки давности уголовного преследования, если в результате продолженного судебного разбирательства в связи с возражением подсудимого против прекращения уголовного дела и (или) уголовного преследования по указанному основанию будет установлена его виновность, суд постановляет обвинительный приговор с освобождением осужденного от наказания (пункт 25); кроме того, в соответствии с пунктом 1 части второй статьи 389-17 [УПК Российской Федерации](#) налицо существенное нарушение уголовно-процессуального закона, влекущее безусловную отмену приговора, если суд первой инстанции при наличии оснований, предусмотренных пунктом 3 части первой статьи 24 [УПК Российской Федерации](#), не прекратил уголовное дело и (или) уголовное преследование (пункт 27).

3.2. В соответствии с правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации, выраженными в ряде его решений, выявление в ходе судебного разбирательства наличия оснований для прекращения уголовного дела, в частности установление того, что с момента совершения преступления прошел срок, указанный в части первой статьи 78 [УК Российской Федерации](#), не препятствует потерпевшему в случае обоснованного сомнения в правильности исчисления этого срока представить свои возражения против прекращения уголовного преследования и не освобождает суд от необходимости исследовать представленные сторонами по данному делу доводы, проверить наличие достаточных для его прекращения условий, в том числе путем обеспечения потерпевшему возможности отстаивать свою позицию по существу рассматриваемых вопросов и доказывать отсутствие оснований для прекращения дела, а в случае вынесения решения о прекращении уголовного дела – оспорить его по мотивам незаконности и необоснованности в установленном процессуальным законом судебном порядке (постановления [от 28 октября 1996 года № 18-П](#), [от 24 апреля 2003 года № 7-П](#) и [от 8 декабря 2003 года № 18-П](#); определения от 24 февраля 2005 года № 91-О, от 19 июня 2007 года № 591-О-О, от 5 июня 2014 года № 1534-О и др.).

Тем самым потерпевшим как лицам, заинтересованным в исходе дела, обеспечивается судебная защита их прав и законных интересов в рамках уголовного судопроизводства, в том числе в отношении соблюдения предусмотренных статьей 6-1 [УПК Российской Федерации](#) разумных сроков уголовного судопроизводства как на стадии предварительного следствия, так и на стадии судебного разбирательства, в случае нарушения которых они не лишены возможности обратиться за компенсацией, предусмотренной Федеральным законом [от 30 апреля 2010 года № 68-ФЗ](#) "О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок". Как следует из представленных Конституционному Суду Российской Федерации материалов, заявители по настоящему делу также не были лишены возможности изложить свою позицию в ходе судебного разбирательства соответствующих уголовных дел и обжаловали постановления об их прекращении в вышестоящий суд.

При формировании способов защиты прав и законных интересов потерпевших от преступлений федеральным законодателем используется не только механизм уголовно-процессуального регулирования. В частности, применительно к возмещению вреда, причиненного гражданину в результате совершения преступления, в главе 59 [ГК Российской Федерации](#), регламентирующей обязательства вследствие причинения вреда – как материального, так и морального, особо выделена ответственность за вред, причиненный деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих (статья 1079).

Как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, лицо, уголовное дело в отношении которого прекращено в связи с истечением сроков давности уголовного преследования, не освобождается от обязательств по возмещению причиненного им ущерба, а потерпевший имеет возможность защитить свои права и законные интересы в порядке гражданского судопроизводства с учетом правил о сроках исковой давности (определения от 16 июля 2009 года № 996-О-О, от 20 октября 2011 года № 1449-О-О, от 28 мая 2013 года № 786-О, от 5 марта 2014 года № 589-О, от 24 июня 2014 года № 1458-О и др.). В таких случаях, по смыслу правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, выраженной в Постановлении [от 24 апреля 2003 года № 7-П](#), суд – в силу конституционного принципа равенства всех перед законом и судом – обязан обеспечить потерпевшему процессуальные гарантии реализации его прав на доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба.

Кроме того, как указал Конституционный Суд Российской Федерации в том же [Постановлении](#), потерпевшим – исходя из признания за ними процессуального равенства при восстановлении в правах как путем уголовного судопроизводства, так и путем гражданского судопроизводства – должны обеспечиваться равные условия, включая оказание содействия со стороны государства в лице его уполномоченных органов в получении доказательств, подтверждающих факт причинения вреда в результате противоправного деяния. В частности, при рассмотрении в порядке гражданского судопроизводства иска о возмещении ущерба, причиненного подвергнутым уголовному преследованию лицом, данные предварительного расследования, включая сведения об установленных органом предварительного расследования фактических обстоятельствах совершенного деяния, содержащиеся в решении о прекращении уголовного дела в связи с истечением сроков давности уголовного преследования, в силу части первой статьи 67 и части первой статьи 71 [ГПК Российской Федерации](#) должны быть приняты судом в качестве письменных доказательств, которые он обязан оценивать наряду с другими имеющимися в деле доказательствами по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании. При этом оценка судом в гражданском деле материально-правовых оснований возмещения причиненного преступлением вреда не может ограничиваться выводами осуществлявших уголовное судопроизводство органов, изложенными в постановлении о прекращении уголовного дела в связи с истечением сроков давности уголовного преследования, в случае несогласия с

ними лица, являвшегося в уголовном процессе потерпевшим.

Возможность обратиться в суд с соответствующими исковыми требованиями к владельцу транспортного средства как источника повышенной опасности (Санкт-Петербургскому государственному унитарному дорожному специализированному предприятию "Коломяжское") имела и у заявителей по настоящему делу.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47-1, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона ["О Конституционном Суде Российской Федерации"](#), Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л:

1. Признать взаимосвязанные положения пункта 3 части первой статьи 24, пункта 1 статьи 254 и части восьмой статьи 302 [УПК Российской Федерации](#) не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку содержащиеся в них положения по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования предполагают, что при прекращении уголовного дела в связи с истечением сроков давности уголовного преследования с согласия обвиняемого (подсудимого):

потерпевший, если у него имеются обоснованные сомнения в правильности исчисления срока давности уголовного преследования, вправе представить свои возражения против прекращения уголовного дела, которые должны быть исследованы судом, а в случае вынесения решения о прекращении уголовного дела – оспорить его по мотивам незаконности и необоснованности в установленном процессуальным законом порядке;

для потерпевшего сохраняется возможность защитить свои права и законные интересы в порядке гражданского судопроизводства с учетом правил о сроках исковой давности, а обвиняемый (подсудимый) не освобождается от обязательств по возмещению причиненного противоправным деянием ущерба; при этом потерпевшему должно обеспечиваться содействие со стороны государства в лице его уполномоченных органов в получении доказательств, подтверждающих факт причинения такого ущерба;

суд, рассматривающий в порядке гражданского судопроизводства иск о возмещении ущерба, причиненного подвергавшимся уголовному преследованию лицом, должен принять данные предварительного расследования, включая сведения, содержащиеся в решении о прекращении в отношении этого лица уголовного дела в связи с истечением сроков давности уголовного преследования, в качестве письменных доказательств, которые – наряду с другими имеющимися в деле доказательствами – он обязан оценивать по своему внутреннему убеждению, основанному на их всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании;

потерпевший не лишен возможности обратиться в суд с заявлением о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок.

2. Конституционно-правовой смысл взаимосвязанных положений пункта 3 части первой статьи 24, пункта 1 статьи 254 и части восьмой статьи 302 [УПК Российской Федерации](#), выявленный в настоящем Постановлении, является общеобязательным, что исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике.

3. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

4. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в "Российской газете", "Собрании законодательства Российской Федерации" и на "Официальном интернет-портале правовой информации" (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в "Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации".

Конституционный Суд
Российской Федерации

№ 4-П